

Я так и не успела составить Кате компанию на интервью. Пересекаемся с ней и остальными «нашими» только после ужина у входа на первую вечеринку. Я надела все черное. Юбку с высокой талией до середины бедра и обтягивающую кофту с треугольным вырезом декольте. Без бюстгальтера, без трусиков — полный экстрим.

Хочу, чтобы у нас с Катей нашлось время пососаться. Надеюсь, что это хоть немного меня успокоит. Как тогда, в женской раздевалке, после недели тренировок в нашей школе танцев. Помню, я тогда наклонилась, чтобы расстегнуть застежку на туфлях, и цепочка на моей шее коснулась моих губ. Большой золотой крест обжег холодом. Я потянулась к нему и, застыв на секунду, дернула его рукой. Цепочка не поддалась. Тогда я дернула сильнее, чувствуя нарастающий гнев. Опомнилась, когда передо мной на коленях стояла Катя, предлагая стакан воды. Видимо, цепочку я все-таки сорвала. Она, вместе в крестиком, лежала на протянутой Катей ладони. Как только я взяла стакан из ее руки, она потянулась к моему лицу и коснулась щеки ладонь. Не отрывая ее, села на лавку рядом и, непрерывно следя за моим взглядом, медленно поцеловала меня.

Просто коснулась меня своими мягкими губами, и я утонула в этом. Невероятно простой жест, на краю с запретным, помог мне очнуться и успокоиться.

И, вроде, сегодня я не похожа на ту себя, что пыталась собрать себя в нечто наподобие человека, но я все так же боюсь, что не справлюсь с этим одна.

После нескольких танцев Катя утягивает меня в отдельную комнатку, которую, видимо, нашла, пока я балдела на танцполе. Свет выключен, Катя замыкает дверь и приседает передо мной, задирая юбку.

— Бляха, когда ты ее так бреешь, у меня от тебя крышу сносит.

Она впивается в мой лобок ртом, следя языком вниз. Окружает теплом мой ноющий клитор, раздвигает губки и вставляет пальчик. Сначала один, через мгновение — второй. Когда втягивает кожу вместе с сережкой, я окончательно теряю контроль, запуская свои пальцы в ее волосы. Чертовка. Выгибаюсь ей на встречу и замираю, когда она с особенным напором ласкает внутри мое любимое mestечко. Ускоряет темп, терзает пальцами и губами, лижет языком так сладко, что я перестаю чувствовать свои ноги, руки, а потом и голову. Улетаю.

Немного прихожу в себя только тогда, когда Катя вставляет мне в рот трубочку для коктейля. Я посасываю и чувствую, что начинаю оживать.

— Зайчик, прости, что раньше не поцемала тебя. Ты так дико кончила! Я думала, к нам точно кто-то войдет. Но вроде обошлось.

— Не называй меня зайчиком, ладно? — морщусь, вспоминая его девушку. Надеюсь, у нее будет не очень много времени, чтобы приставать ко мне.

— Ладно. Только если все становится настолько плохо, то есть, ты ну очень хочешь — говори прямо. Чтобы потом мне не пришлось тебя опять тащить куда-нибудь присесть. Ok?

— Я намекала тебе сегодня дважды, как минимум, — не узнаю свой голос. Я что, обиделась на нее?

Ее приглашают на танец, и мне остается только придумывать самостоятельно, что бы она мне на это ответила.

Допиваю коктейль и поднимаюсь, не хочется весь вечер просидеть. Мне нравится музыка,

которую ставит местный диджей, и я решаю познакомиться с ним поближе.

Возле Сережи, так зовут гения музыки, время летит незаметно. Переписываю у него несколько треков и верчусь достаточно долго, чтобы мой коктейль совсем потепел. Киваю Сереже идвигаю в сторону бара.

Народу много, танцующих, смеющихся, здоровящихся. Ставлю на барную стойку свой пустой бокал и прошу повторить. Бармен улыбается и кивает.

Чувствую покалывание в шее, и дергаю плечом, как бы пытаясь избавиться от этого неприятного ощущения. Но оно не проходит. К нему только добавляется тепло и такой знакомый аромат духов. Я не оборачиваюсь, продолжая рассматривать ровно выстроенные бутылки за барной стойкой. Переминаюсь с ноги на ногу.

Не слышу музыки, только чувствую, как от кончиков пальцев по телу начинает пробегать дрожь. Тепло становится ближе, пока его тело едва прижимается ко мне. Это ведь он?

Перестаю дышать.

Рука, появляющаяся передо мной из-за спины, ладонью вверх, приглашает на танец. Но ведь он не танцует. Не танцевал. Еще и мне запрещал заниматься этим.

Стоит и ждет. Так просто. Будто я смогу сейчас расслабиться и вестись. С ним.

Левой рукой, не дожидаясь ответа, он снимает мою руку с барной стойки, правой же медленно проводит по талии, подталкивая к танцполу. Такие знакомые, теплые пальцы. Хочется обхватить всю его ладонь, почувствовать ответную силу, но я лишь мягко держу его, с достаточным для танца сопротивлением. Ни больше, ни меньше.

Навязчивый бит наконец-то прорывается сквозь одурманенные мысли и мое тело получает первый импульс, которому оно, за семь месяцев ежедневных тренировок, привыкло неосознанно доверять. Здесь уже нет речи о нем или о прошлых «нас». Только бит, импульс за импульсом, и кайф.

У нас не было первого танца. До этого вечера. И все мои желания заниматься в одном из танцевальных клубов города, рано или поздно приводили к тому, что Денис, со своим излишним чувством собственности заваливался на мои тренировки и наблюдал. Сидел где-то в сторонке, зачастую прижав несколько пальцев к губам.

Домой ехали обычно в тишине, и, только на пороге моей квартиры, когда я всеми доступными способами пыталась показать ему, как меня это достало, он залазил ко мне под юбку, рвал колготки или сдвигал в сторону трусики, и, прижимая меня к себе, вносил внутрь. Дальше прижимал к стене и трахал сначала пальцами, потом членом, запрещая закрывать глаза, желая, видеть каждую реакцию на его действия в моих глазах. Я сходила от этого с ума. От его взгляда, от ожидания в нем.

Я знала, чего он ждал. Еще больше. Меня, моего времени, моей любви.

Эти мысли промчались так же быстро, как и первый танец. Я уже опускала левую руку с его плеча, чуть отдалаясь, чтобы уйти, но он сжал мою ладонь чуть крепче и легко потерся своим подбородком о мой висок. На секунду застыл.

Более медленная, чувственная мелодия наполнила бар, и он опять повел. На этот раз плавно, направляя мое тело мягкими волнами. Коленями, руками, бедрами — Денис будто проверял мою пластичность. И мое тело отвечало, так расслабленно и непринужденно, чего иногда трудно добиться в танце.

Пальцы по позвоночнику, импульс, волна, скольжение на подъем по его бедрам, и я повисаю на его руках, плавно следя за ними, выгибая спину и едва не касаясь пола волосами. Еще

волна, еще, еще, еще, ускорение и новая близость.

Разворачивая меня к себе спиной, Денис поднимает руку под самую грудь, чуть приподнимая ее и, наклоняясь, мягко касается губами кожи за ухом. Простое прикосновение, случайное, как говорю я себе, но не даю ему сбить меня с ритма. Когда он отдаляется, готовя меня к развороту, я делаю круг бедрами, едва касаясь того самого места, которое так часто было главным в наших отношениях.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не бросить его посреди танца, но, к счастью, песня быстро заканчивается.

Мне нужно подышать свежим воздухом. Вдох-выдох, вдох-выдох, — повторяла я себе, пробираясь через толпу танцующих. Вдох-выдох. Еще пару шагов. Вдох-выдох.

Меня буквально приkleило к стене, как только я оказалась снаружи. Не доверяла я своим ногам держать меня. Не тогда, когда рядом Он.

Все эти семь месяцев мне было трудно снова научиться доверять себе, слушать свое тело. Видимо, ни одно из этого мне не удалось полностью. Тело помнило, что он может с ним сделать, если я не буду его слушать. Мало того, оно хотело этого.

Я научилась без него жить. Я научилась без него жить.

— Я научилась без него жить, — произнесла я одними губами, чтобы немного яснее выразить свою мысль. — Я научилась без него жить, — теперь чуть громче. Получилось хрипло, но это уже было начало. — Я, черт побери, научилась без него жить.

— Кто тебя учил так ругаться?

Вдох-выдох.

Я закрыла глаза — знала ведь, что им нельзя доверять. Они засекут, что это на самом деле сказал он, и мое тело тут же откажется меня слушаться. Я не смогу ничего сказать или сделать, если у меня не получится убедить себя, что это не Денис.